

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)
Г45

Серия «Звезды научной фантастики»

Jarosław J. Grzędowicz

HEL³

Публикуется с разрешения автора и при содействии
Владимира Аренева и Сергея Легезы
Перевод с польского: *Кирилл Плешков*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Dark Crayon*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Copyright © 2017 by Jarosław J. Grzędowicz
© Кирилл Плешков, перевод, 2020
© Dark Crayon, ilustracje, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Эта книга, как и все остальные, многим обязана весьма немалому числу людей, но особой благодарности заслуживает доктор Лешек П. Блашкевич из Варминско-Мазурского университета, который взглянул на нее с точки зрения человека, разбирающегося в космосе, астронавтике и астрофизике, и дал ряд бесценных советов автору, не обладавшему большими познаниями в данной области. Всем тем, что выглядит в этом отношении правдоподобным и возможным, «Гелий-3» обязан ему; что же касается неизбежных ошибок и нелепостей, то вина за них лежит исключительно на авторе, который не догадывался, что чего-то не знает, и не задал соответствующий вопрос.

Мы — небо для Луны.
Джордано Бруно

Зап. 1

Дубай, август 2058

В городе что-то назревало.
Вроде бы.

Норберт сидел в тени, спрятавшись от ослепительного солнца, потягивал мятный чай, мысленно пересчитывал иссякающие сбережения и ждал, когда в толпе, толкушейся в узких улочках, кто-нибудь совершит нечто безумное. Или ужасающее. Или хотя бы заслуживающее внимания. Что-нибудь.

Пусть хоть кто-нибудь взорвет себя, проведет поединок на мечях или по крайней мере нагрузит двуколку так, что она поднимет осла на дышле.

Хоть что-нибудь, что на мгновение привлечет внимание отупевших и наполовину загипнотизированных пожирателей МегаНета, обеспечив ему 5К заходов. После преодоления этой магической границы очнутся следящие программы спонсоров, и на его иссохший счет начнет капать струйка евро.

Он ждал.

Он был готов.

Противосолнечные «рэй-баны» на его столике не привлекали ничего внимания. Эффектные, в летно-итальянском стиле, они выглядели как из киоска «Реал Фейкс» в аэропорту Эр-Рияда. Половина мужчин в окрестностях носила такие же. Его омнифон тоже не вызвал бы сенсации, даже если бы покинул свое место на ремне под рубашкой. Вшитых под кожу на тыльной стороне кисти и на шее имплантов вообще не было видно.

Если бы что-то вдруг надумало произойти, ему нужно было всего лишь надеть очки и несколькими чародейскими движениями руки разбудить затаившиеся программы. А потом просто смотреть и не отводить взгляда, позволяя тому, что он видит, поступать через зеленые стекла его «рэй-банов» и матовую пластинку омнифона прямо на сервер, а потом в бездны МегаНета, становясь Событием.

5К заходов.

Не так уж и много.

Совсем не то, что пять мегазаходов. При подобном классе ивента и соответствующей динамике просмотров материал незамедлительно убирался с Трубы и заменялся урезанным трейлером, а вся запись целиком шла на аукцион, на растерзание самым крупным информационным порталам. Цены считались в мегаевро, а удачливый охотник забирал целых сорок процентов.

Вот только ничего не происходило. Ничего, что могло бы удостоиться чести именоваться ивентом.

Вокруг толпились люди. Тех, что в белых дишдашах и стянутых черными лентами из толстых шнуров платках на головах, в похожих на его собственные очках,

иногда даже тоже набитых электроникой, опасаться не стоило. Были среди них и старики с растрепанными седыми бородами, в кружевных белых шапочках в форме салатницы, которые шлепали в стоптанных сандалиях, глядя по сторонам налитыми кровью, словно у быков, глазами и выслеживая грех. Эти порой бывали обременительны, но редко опасны. Дубай пока что, по сравнению с остальной Сунной, выглядел оазисом мира и толерантности. Никому не был нужен сумасшедший старикан, который пристает к клиентам и выкрикивает проклятия.

Следовало, однако, остерегаться других бородачей — молодых или в расцвете сил, носивших намотанные на головы клетчатые арафатки или фетровые шапки в кавказском стиле. Они стояли в стороне, всегда группами, и разговаривали вполголоса, бросая вокруг холодные подозрительные взгляды. И еще — парней с покрытыми мягким юношеским пушком щеками, никогда не видевшими бритвы, с безумными глазами, полными свежего, почти нетронутого фанатизма прямо из медресе.

Были еще смуглые худые крысеныши в чересчур больших футболках «Баварии» или «Реала», иногда в бейсболках с вшитыми в них проекторами, заклепками, серебряными пластинками и расписными яркими узорами. Этим тоже следовало остерегаться, хотя и совсем по иным причинам. Именно к их числу принадлежал Мунир — Мунир, который за пять кило евро за информацию утверждал, что «в городе что-то назревает».

И теперь Норберт сидел в тени, с ароматом заваренной мяты во рту и облепленными сахаром губами, держа под рукой очки, и ждал.

В городе что-то назревало, но вовсе не нечто такое, что можно было бы отнять и бросить на растерзание божествам МегаНета. Чем бы оно ни было, оно пряталось где-то под поверхностью.

Воздух дрожал от жары. Надев очки, Норберт пробудил их едва заметным движением руки.

Сорок один градус. В тени. Вокруг шла своим чередом шумная жизнь рыночной площади, переполненная конгломератом звуков, запахов и красок. То и дело сквозь толпу протискивался дребезжащий скутер на ископаемом топливе. Вид голубоватого облачка выхлопных газов казался неуместным, удивительным и экзотическим. Нефть продолжала существовать, вот только никто не хотел ее покупать, кроме Азии и Африки. В течение двадцати лет самая потрясающая метрополия мира превратилась из рая на земле в обычный, пришедший в упадок арабский город. Все, что осталось от нефтедолларового великолепия, — возможность купаться в бензине за жалкие десять дирхамов за литр. Потрепанные «бентли» и «роллс-ройсы», «мерседесы» с выбитыми стеклами и тархтящие скутеры, переделанные в грузовые тележки, — и в меру дешевое электричество, почти круглые сутки. В Европе, схваченной за горло доктриной сбалансированного развития, даже это было бы чересчур.

Из отеля «Кингс Меридиан», в котором жил Норберт, он видел хрустальные башни Мина-Сейахи, невероятными формами устремившиеся в небо. Бывшее чудо архитектуры, некогда освещенное ночью подобно драгоценным камням, теперь пугало выбитыми стеклами и наполовину разрушенным гигантским шпилем

Бурдж-Халифа, в свое время уходившим в небеса на во-
семьсот метров с лишним.

Когда-то считалось, что туризм заменит нефть, вот только никому не хотелось ехать в отпуск в самое сердце Сунны, где можно повиснуть на строительном кране или оказаться обезглавленным на площади за чересчур бравурную мелодию в коммуникаторе. В нескольких эмиратах, таких как Дубай, законы оставались достаточно мягкими, но этому уже приходил конец. К тому же мало кто из европейцев мог позволить себе путешествовать дальше, чем можно было пойти пешком.

В итоге искусственные острова в заливе превратились в торчащие из моря пустынные отмели, пугающие кульями высохших пальм и руинами зданий.

Когда мир покупал нефть, было объявлено, что он высасывает богатства арабской земли, и против Большого Дьявола был устроен джихад. Когда нефть перестали покупать, доходы упали во много раз, а джихад тех времен оказался детской игрой по сравнению с тем, что творилось сейчас. Открытая война не разразилась лишь потому, что ни у Севера, ни у Сунны не было на нее средств. Дубай стал одним из островков относительного спокойствия посреди океана безумия и ярости.

Вокруг пульсировала обычная какофония рынка — беспорядочный шум арабско-латиноамериканских шлягеров, сражавшийся с пискливыми рыданиями болливуд-бхангра и вьет-диско. Напротив столика Норберта сидел на крыльце своей лавочки продавец ковров, куря кальян. Его белый силуэт, закутанный в доходящую до земли дишдашу, выделялся на фоне пестрой стены,

покрытой мозаикой персидских узоров, которые вручную ткали где-то в китайском концлагере.

Возле узорного сосуда и запыленных ботинок продавца на тротуаре стояло блюдце со стаканчиком чая.

Подняв голову, Норберт взглянул сквозь стекла своих «рэй-банов», легкими движениями пальцев задавая крупноформатную матрицу, навел резкость на морщины на щеках продавца и его старое задумчивое лицо, а затем сделал снимок. Похоже, интуиция его не подвела — кадр получился фантастический. Движением руки он отправил его на свой личный адрес и вздохнул. МегаНет не нуждался ни в фантастических кадрах, ни в «симпотных фотках». Он нуждался в ивенте.

А потом вдруг что-то изменилось — едва заметно, словно по улочкам медины пронесся порыв холодного ветра. На фоне международной музыкальной мешанины раздались звонки коммуникаторов и сигналы приема сообщений.

Хором. Повсюду.

Те, у кого имелись очки, внезапно остановились на полушаге, читая висящие в воздухе сообщения, которых не видел никто, кроме них. Другие начинали говорить вполголоса, машинально прижимая пальцем мочку уха. Одновременно стихала лившаяся отовсюду музыка, уступая место щебету звонков, словно на рынок налетела стая электрической саранчи.

В городе что-то назревало.

Норберт почувствовал вибрацию в скуле возле уха, а в воздухе повисли золотые буквы: «Мунир».

— Привет, друг мой Норберт, — сказал Мунир. Голос его отдавался глухим эхом, словно он сидел в бетонном

погребу или, что более вероятно, в сортире.— Я знаю, кто, что и когда,— продолжал он.— Готов, друг мой?

— Мне нужно знать, стоит ли оно того.

— Если я говорю, что стоит,— значит, стоит. Хороший ивент. Первый номер. Десять кило и пять процентов.

Норберт ощутил, как его обдало жаром — еще большим, чем прежде, словно из самого раскаленного сердца пустыни.

— Мунир, да ты с ума сошел.

— Не сошел. Я знаю, что говорю. Бизнес есть бизнес.

— Десять кило, и все. И так в два раза больше обычного.

— Ивент просто супер. Продашь порталам. Пятнадцать и четыре процента.

— О чем вообще речь?

— В Дубае дали о себе знать Братья Смерти. Они похитили европейцев. Будет казнь. Публичная, в городе. Они плюнут в лицо Европе и эмиру. Пятнадцать и четыре процента? Время — деньги, друг мой Норберт. Цена как для брата. Могу позвонить куда-нибудь еще.

Жаркая волна внезапно сменилась дуновением из сердца Арктики.

— Десять и один процент,— услышал он собственный голос.

— Еще чего, брат. Пятнадцать сразу.

— Согласен.

Какое-то время он будто отгонял мух, активируя «пэйпасс» и переводя деньги.

— Пошло.

— Через час. В самом центре Мина-Сейахи. Под Эмирейтс-Тауэрс, у фонтана. Избегай Шейх-Зайид-роуд — именно по ней их повезут.

— Кого?

— Инженера из «ХартСанЭлектрикс». И биотехнолога из «Генотроникс». Похищены на прошлой неделе из собственных домов в Гринс. Мне пора заканчивать. Вперед, друг мой, и найди место получше.

— Все вокруг получили сообщения. У меня никаких шансов. Какого черта ты велел мне идти на рынок? Из отеля мне было бы пятнадцать минут прогулочным шагом.

— Все уже знают, что, но не знают, где. Братьям нужны зрители, а не армия. Сперва предполагалось возле Дома шейха Сайида — потому и рынок. Да пребудет с тобой Аллах.

Казнь.

Норберт быстрым шагом тронулся с места, чувствуя, как его заливает пот и как колотится сердце. Казалось, будто оно подступило к самому горлу, словно он проглотил охваченную паникой лягушку.

Казнь.

Кошмарное зрелище, с помощью которого Братья Смерти дадут понять, что уже творят в Дубай-Сити что хотят, что договаривающийся и торгующий с Большим Дьяволом предатель-эмир ничего для них не значит, и вдобавок — что его дьявольский «Дубайтек», дающий убежище противоречащим Книге шайтанским экспериментам, а также омерзительный проект термоядерной электростанции Аль-Касра, которая, вне всякого сомнения, является замаскированной бомбой, позволяющей европейцам одним нажатием кнопки взорвать Арабский полуостров, понесут заслуженную кару. К тому же неверные из «ХартСанЭлектрикс» и «Гено-

троникс» узнают, что ничто не спасет их от длинных рук шариата.

Таков был контекст. Те два удара мечом могли означать начало конца Дубая. Вот только МегаНет никакой контекст не волновал. Эту многоглазую тупую тварь волновал исключительно ивент. Она сможет на него тарашиться, а потом превратится в хор лягушек, квакающих, что очень хорошо, когда империалисты наконец поймут, что получили по заслугам. Лягушки поквакают полчаса, а потом будет другой ивент.

Увы, Норберт ничего не мог с этим поделать. Он мог лишь накормить тварь и надеяться на свои сколько-то там мегазаходов, а потом аукцион. Он мог заработать и уехать из Дубая, прежде чем ему придется красть понтон и выплывать в Персидский залив.

Город он знал, так что мог идти кратчайшим путем, проталкиваясь сквозь азиатско-арабскую толпу. Впрочем, до Мина-Сейахи невозможно было не добраться — гигантские небоскребы, уходящие в раскаленное небо, были видны отовсюду. Люди вокруг о чем-то взволнованно и испуганно переговаривались, оживленно жестикулируя, или куда-то поспешно шли в разных направлениях — наверняка работавшие по контракту инженеры, биотехнологи и программисты, еще десять минут назад уверенные, что выиграли счастливый билет, и беспокоившиеся лишь о том, как спасти свои заоблачные зарплаты от ошалевших от жадности европейских налоговых служб. Теперь же они хотели только одного — как можно быстрее исчезнуть с улиц.

Норберт свернул в сторону набережной, стараясь идти быстро, но не настолько, чтобы выглядеть черес-